

Прекрасная Маргарита

Маргарита Левановна была бакинской журналисткой. Она считала себя красавицей и утонченной натурой, разумеется, не без оснований. Профессия предполагала тесное знакомство с городской элитой, Маргарита обожала богему, а функционеров не жаловала, в своей постели уж точно. Мужчины ее жизни были как на подбор — режиссеры, артисты оперы и балета, художники, поэты, композиторы...

Даже достигнув пенсионного возраста, прекрасная Маргарита не потеряла свое обаяние и сексуальность. Мало того, с возрастом она выбирала все более молодых любовников, да и себя считала девушкой хоть куда и наряжалась весьма игриво — мини-юбки, открытые маечки, прозрачные кофточки, гетры с ярким орнаментом... издали ее принимали за девчонку-школьницу. И прическу, длинное каре (теперь уже крашеное, куда деваться?), с юности не меняла. А зубы меняла уже в третий раз, и они становились все ослепительнее, все совершеннее. Нет, не женщина в стиле "вамп", просто прекрасная Маргарита Левановна, соблазнительная, волнующая, загадочная... и интересная как человек.

Она окружала себя молодежью, но никто не называл ее на "вы". Кто еще мог пить-танцевать всю ночь напролет, а под утро поднять компанию встречать рассвет? И отбивать чечетку на гулких мостовых сонного города? По субботам Маргарита устраивала поэтический салон, по воскресеньям у нее собирались музыканты, в четверг — художники. Она не считала себя поэтом, так, баловство... но все хвалили ее стихи. Также Маргарита исполняла романсы, подыгрывая себе на семиструнной гитаре. Ее страстно-томительный голос с прокуренной хрипотцой влюблял в себя многих... а ее бурные романы — это отдельная тема, тут одним рассказом не обойтись, материала хватит на полнокровный роман... так вот. В пятьдесят восемь Маргарита случайно забеременела, такой вдруг вышел казус.

Понятно, не в первый раз с ней это приключилось, имелось уже две дочери — Анна и Елизавета, и даже внучка Ирочка. Эта двадцатилетняя Ирочка, дочь сорокалетней Анны, уже и сама собиралась рожать, так что Анна готовилась в бабушки, а Маргарита волей-неволей — в прабабушки. Зато младшая Лиза в свои тридцать шесть замуж пока не собиралась. Обе Маргаритины дочери жили в Москве, они прекрасно устроились. Лиза пела в шикарных ресторанах, а у Анны муж был телепродюсером. Послед-

ний раз Маргарита встречалась с девочками три года назад, когда те неожиданно нагрянули в Баку на ее юбилей. Пятьдесят пять! Решили сделать маме сюрприз. Притащили с собой заказной торт-безе и торжественно водрузили на стол, надо же такое придумать! С датой из мерзких сахарных розочек. А у нее в гостях сидело одно юное дарование, и только они приглушили свет, и рука потянулась к руке... и тут ввалились ее девчонки, как снег на голову! Она не скрывала свой возраст, это глупо, но ведь есть элементарный такт, позвонили бы сначала... Маргарита не подала виду, она же мать.

Вот именно, что мать. Дочки не были свеженькими, как раньше. Постарели немного. Морщинки-складочки. Вот что ее расстроило. С того дня Маргарита стала окуна́ть лицо в таз с ледяной водой на пять минут вместо прежних двух. А девочек совсем не хотелось видеть, ну просто не хотелось ей, и все. Они и раньше-то не были особенно близки, у нее свой мир, у девочек свои интересы... И внуков-правнуков еще не сватало, чтоб на лето к бабушке... нет, увольте. Маргарита пока не сходит с дистанции, и откуда в ней столько сил? Тайна природы, но факт. А теперь эта новая любовь! Совершенно особенная, пронзительная, неземная, раньше она такого не испытывала, теперь и смерть не страшна... а у нее всегда так, уж если любить, то как в последний раз...

Он — тридцатилетний страстно-безудержный жгучий брюнет, экспрессивный абстракционист... Она его пьянит, как выдержанное вино, она его абстрактная Саския, за месяц — двадцать портретов-всплесков, он пишет каждый не больше четверти часа, искрометно. Потому что творческий акт должен длиться меньше полового и заканчиваться полнейшим удовлетворением, нельзя подходить к одному холсту дважды... у него своя философия творчества, своя неповторимая манера письма... И вот теперь ребенок, их будущий малыш. Мальчик, она сделала УЗИ. Роальд, в честь его прадеда-передвижника, рано ушедшего из жизни.

Ей смешны сомнения врачей, их удел — стандартное мышление, что ж, каждому свое... но в ее жизни обыденности нет места. Гарику нужно в Москву. А у Лизы трехкомнатная квартира, и она там одна. Лиза ее поймет, она ведь певица, тоже человек искусства. А Гарик с его талантом и напором обязательно покорит Москву! А она устроится в какой-нибудь журнал, и через год-другой они купят свою квартирку... А если Лиза не захочет жить вместе, можно разменять ее трехкомнатную, или пусть даст им денег в долг, они с Гариком заработают и все отдадут. Да, девочки должны ей помочь, она их растила, одна, без мужа... пусть и Аня добавит.

Кстати сказать, девочки так не думали — в том смысле, что их растила Маргарита. Они считали, что выросли, как трава под забором... и, в общем-то, были правы. Летние каникулы длились с апреля по ноябрь, как только их в школе еще держали... лето они проводили у бабушки в Сураханах, а зимой путались под ногами у мамы, путались в именах ее многочисленных приятелей, а также в искусствах, которыми те занимались. О своих собственных отцах сестры ничего не знали ни тогда, ни сейчас. Ясно было, что они разные, потому что Маргарита часто попрекала Аню вредным отцовским характером, а Лизиного отца не трогала. Лиза не сомневалась, что был он певцом, не исключено, что столичной знаменитостью... намеки такого рода случались, но не более. Потому что у Маргариты есть женская гордость, она не из тех, кто будет унижаться... А вдруг девочки захотят их разыскать? Захотят помощи? Боже упаси. Особенно Лиза могла устроить такое позорище как начинающая певица... Аня хоть и не блистала талантами, зато какая получилась красавица, уютная кошечка, хозяйюшка...

Так они и росли. Маму видели редко. Питались всухомятку, пока восьмилетнюю Аню один из маминых любовников не научил варить суп. С тех пор стало полегче. А Маргарита, увидев такую трогательную картину, прослезилась и поняла, что ее дочки совсем уже взрослые, и стала все чаще оставлять их одних...

Из престижного Башмертабе* им пришлось переехать во время карабахских событий, этой омерзительной резни... Маргариту многие считали русской, да и у дочек русские имена. На самом деле Маргарита Левановна была смешанных кровей — дед азербайджанец, отец наполовину армянин, мать украинка. После того как им прикрепили на дверь записку: "Уезжайте отсюда, иначе убьем", она решила быстро поменяться квартирами с азербайджанским скрипачом. Тем более что некоторые русские и армянские соседи уже погибли, их выбросили из окон без особого предупреждения. Но Маргарита и не думала убежать из Баку, просто поменяла престижный район на обычный. А вскоре все утряслось и кое-как наладилось.

Баку — ее любовь на веки вечные. Баку — жемчужина, обитель всех искусств, где зреют под южным солнцем таланты... таланты радостные и буйные, окрашенные в яркие цвета! Они утверждают страстное и любовное! А что северяне? Сплошной пессимизм. Маргарита терпеть не

* Башмертабе — Дом пяти углов, известный в Баку жилой дом.

может брюзжание, да... все продвинутые советские люди знали, что после промозглого Питера и суматошно-безвкусной Москвы Баку был третьей культурной столицей. Блистательного Баку уже не вернуть, кончен бал... но привычка — вторая натура. Другое дело — девочки. Маргарита уважала их стремление перебраться в Москву, хотя помочь ничем не могла. Но как дружили девчонки! Всегда вместе, все сообща... Так и вышло. Аню полюбил и забрал с собой молодой режиссер-документалист, а через год к ней уехала Лиза. Красивый голос и деловая хватка, и общительность, и посильная помощь Аниного мужа... Так сестры обособились в Москве.

И вот настал час расплаты. Беременная мать, почти прабабушка, с молодым женихом собралась к ним... Первый звонок из Баку был подготовительным — мать сообщала, что полюбила, что ждет ребенка и что избранник немного моложе... Второй звонок насторожил — мать поинтересовалась квартирными ценами в Москве, а затем передала трубку своему Гарольду, чтобы Лиза познакомилась с будущим родственником... Третий звонок убил. Мать заявила, что продала свою квартиру, но цены в Баку, сами понимаете, не чета московским... поэтому первое время они с Гариком поживут у Лизы, им понадобится прописка... но если Лиза не хочет жить вместе с ними, пусть разменяет свою квартиру на две. Им нужна маленькая квартирка, но в центре столицы, поближе к культурной жизни...

Такого напора от Маргариты не ожидал никто. Даже сама Маргарита, даже Гарик, который мечтал, конечно, о чем-то подобном, но чтобы вот так, прямо в лоб... в общем, она всех удивила. Видя, как подавлены и растеряны сестры, Анин муж предложил обратиться к "серьезным ребятам". Ясно, что мать уже ничего не соображает, а этот абрек, эта шустрая сволочь, давит на нее и шантажирует... Лиза нервно посмеивалась — ни за что не пропишу у себя альфонса... Ане было ужасно стыдно за мать... Муж упорно развивал тему насильственного выдворения нежданных гостей, ему, уроженцу подмосковных Люберец, невдомек были все эти восточные тонкости...

Да и сами сестры, честно говоря, удивились — восточная традиция неожиданно взяла их за горло. Как же так... выгнать беременную маму? Пусть она спятила, попала под влияние наглого альфонса, но ведь это их мать... неважно, какая она мать, важно то... что важно?! Этого они и сами не понимали, но чувствовали, что не могут выгнать собственную родительницу, что это грех, так сказать... И постановили — раз уж не удастся отговорить мать от поездки, пусть поживут немного у Лизы, сама Лиза

побудет у сестры. Они должны объяснить Маргарите, что этот тип ее просто использует... а если она не пожелает с ним расстаться и вернуться в Баку? Что ж, придется купить однокомнатную квартиру в дальнем Подмоскowie, используя и мамины деньги, конечно... Там пусть и живут. Поразительно! Мама нацелилась на центр Москвы, хотя Лизина трехкомнатная квартира в Бутово стоит меньше, чем однокомнатная в этом самом центре...

И вот страшный день настал. Они привезли с собой рулон холстов, четыре чемодана, в одном были вещи, в другом краски и кисти, в двух оставшихся — журналистский архив Маргариты. Гарик никому не понравился, он на это и не рассчитывал, поэтому не особо старался. Лиза отказалась прописывать его у себя даже временно, мама заламывала руки, хваталась за живот... все напрасно. В отместку Гарик стал вести себя в Лизиной квартире неаккуратно. Попросту сказать, он намеренно гадил. Диванные чехлы покрылись жирными пятнами, мебель царапинами, а потекший в кухне кран залил нижних соседей, Лизе пришлось им заплатить. Гарик писал картины, разбрызгивая краску по стенам и потолку, а Маргарита убеждала себя, что все равно эту квартиру придется разменивать, вот новые жильцы и сделают ремонт. Конечно, она переживала, что дочка с первой же минуты приняла ее любимого в штыки, этим они унизили и Маргариту... общались с ними так, как будто она душевнобольная, а Гарик злодей и ничтожество...

Когда девочки объяснили, что на центр она может не рассчитывать, а только на дальнее Подмоскowie, Гарик расстроился и запил. К тому же у него началась полоса неудач — ни одна из столичных галерей не оценила его самобытный дар. Он пинал и топтал по ночам скопившиеся в доме работы. Стало попадать и Маргарите, она вызывала в нем эстетический протест. Ее грушевидный живот, поддерживаемый при ходьбе руками... седые волосы, собранные в так называемую "мальвинку" — высокий хвост... а что было делать? От краски для волос у Маргариты начиналась аллергия, из носа текло, веки покрывались сыпью. А когда она подкрасилась натуральной хной, эффект получился совсем омерзительный, седорыжий, выцветший вид. К тому же у них кончались квартирные деньги. Их приходилось тратить, ведь девочки ничего не давали. А у Гарика появились приятели, он познакомился на Арбате с художниками и стал регулярно посещать их мастерские... Приближались роды, а Гарик мог пропасть на несколько дней, Лиза и Аня только злорадствовали... не думала она, что вырастила таких злых девочек.

Вообще-то, Маргарите хотелось умереть, устала она жить, это точно. Глядя на себя в зеркало, она даже не могла винить Гарика... в ее возрасте беременность не украшает женщину, этот фактор она не учла... Квартира выглядела кошмарно. Со вкусом обставленная недавно купленная квартира превратилась в тошнотворный засаленный гадюшник. Лиза почти не появлялась, но вела с матерью обстоятельные телефонные разговоры. Все это было так предсказуемо... хорошо, что хоть не растянулось на год. Однажды ночью Гарик проснулся и захотел выпить. От пяти тысяч оставалось двести долларов, сотенными бумажками. Маргарита попыталась убедить его подождать до утра, но Гарик забрал все сбережения и ушел, покинул ее... Его не было уже неделю. Наверное, это к лучшему, решила Маргарита. Ей захотелось в свой теплый Баку, по окну стекал мокрый снег... Она поняла, что не хочет этого ребенка, она не сможет вырастить его, нет больше сил... Все девять месяцев Маргарита беседовала со своим малышом, называла его Роальдом, Родиком, Родичкой... она оставит его в роддоме, так лучше... пусть называют его потом, как хотят, Роальдом не обязательно... и тут Гарик вернулся.

Он правильно рассудил, что дочь не оставит беременную мать без копейки, но сто рублей?! Нет, наверняка она где-то прячет деньги... Он хотел припугнуть Маргариту, схватил кухонный нож, но та продолжала утверждать, что это последние деньги. Гарик разозлился, припугнул сильнее, а потом потерял контроль... До чего же он ненавидит этих самодовольных снобов! Всю эту зажавшуюся московскую сволочь!

Он прирезал Маргариту, воткнул ей нож в шею и в ужасе убежал прочь... Но Маргарита не погибла. Она так душераздирающе кричала, что соседи вызвали милицию... Маргариту удалось спасти, хотя ребенка она потеряла. Нож задел то ли нерв, то ли какие-то важные связки, и у нее отнялись руки. Врачи сказали, что если она будет стараться и регулярно разрабатывать руки, их функции частично восстановятся. Вязать, конечно, не сможет, но взять чашку или открыть кран — вполне... Но Маргарита рассудила иначе. Раз девочки разрушили ее любовь, то и она теперь немного подпортит их жизни. В чем виноваты девочки? Она не хотела об этом... не проявили чуткость, не одобрили ее выбор, при нормальном отношении все могло быть иначе. Из больницы ее привезли в отремонтированную квартиру Лизы, и целые дни Маргарита проводила на кушетке с книгой, перелистывая страницы языком, или смотрела телевизор. Она не умывалась, ходила под себя, почти не ела. Для сигареты у нее всегда горела большая свеча — взяв ртом сигарету со специально приспособленной

подставки, она прикуривала ее от свечи и снова клала на подставку, курила без помощи рук. Много было различных приспособлений... но переодевать и мыть Маргариту, и кормить с ложечки, и причесывать приходилось Лизе. А также, когда дочь была дома, Маргарита просила ее перелистывать страницы книг и вставлять и вынимать у нее изо рта сигарету...

Но даже несмотря на упорное нежелание Маргариты жить по-человечески, природа брала свое — руки потихоньку приходили в движение, и не всегда удавалось это скрывать. Однажды неожиданно вернувшаяся Лиза застала маму с чашечкой кофе в руке, которую она тут же уронила, но все же... В другой раз мама копалась в шкафу... но унитазом по-прежнему не пользовалась. Она упорно не желала выздоравливать.

Теперь о Гарике. Его нашли и посадили в тюрьму. Кроме покушения на убийство ему было предъявлено убийство собственного младенца. Гарик раскаялся в содеянном и написал письмо Маргарите, она плакала, читая его... и попросила Лизу написать ответ. Получив отказ, Маргарита обратилась с просьбой к соседскому мальчику, он же и отправил письмо. С этого дня произошел перелом — Маргарита перестала скрывать, что ее здоровье пошло на поправку, она подолгу лежала в теплой ванной, мечтательно пуская дым, глядя на трепетное пламя свечей... сидя перед телевизором, тренировала руки — сжимала и разжимала резиновые кольца... а как-то даже подкрасила глаза. А потом стала писать крупным, дрожащим, но вполне разборчивым почерком. Она не надеялась, что осужденный на восемь лет Гарик вернется к ней после тюрьмы, да и не нужно ей этого... Просто стало теплей на душе, в чужом городе получать эти письма, полные раскаяния и воспоминаний о счастливых мгновеньях их жизни, да... все мы совершаем ошибки, но не все, далеко не все способны так возвышенно страдать...

Настала весна, а весной Маргарита обычно сочиняла стихи. Хотя разве это весна? Одно название... Редкие проблески солнца, замерзающая под утро капель, грязные нетающие сугробы... но музы нашли Маргариту даже на восемнадцатом этаже, в опостылевшей блочной квартире унылого московского Бутово... А в мае она сказала девочкам, что хочет вернуться в Баку.

Москва

